

ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

РОЛЬ ПИРОВ И БАРДОВ В ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА ВЛАСТИ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ОБЩЕСТВАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Ф.Х. ГУТНОВ

Важными маркерами любой политической культуры являются факторы и механизмы становления авторитета лидера, власти, обусловленности этого процесса рядом специфических условий. В потестарном, раннеклассовом, в феодальном и т.п. обществах становление структуры управления сопровождалось пропагандой власти, созданием ее привлекательного образа. Конструирование имиджа власти включает в себя создание мифологемы по заказу самих носителей власти [1, 423].

В этом отношении интересна хроника «Памятник эриставов» (далее ПЭ), созданная по заказу самих ксанских эриставов в промежутке между 1405/6-1410 гг. в Ларгвисском монастыре Григолом Бандас-дзе [2, 106; 3, 11-13].

После образования средневековых государств поддержка (или повышение) авторитета власти осуществлялась целым набором действий. В уже сложившихся королевствах Западной Европы на первый план выдвигался образ конкретного монарха как воплощение «идеала правителя и в то же время исключительной личности благодаря своим индивидуальным качествам». Во Франции второй половины XVI в. важным маркером высшей влас-

ти являлся двор. С одной стороны, он повышал статус монарха, способствуя росту имиджа власти. С другой – позволял контролировать оппозицию, а при Франциске I (1515-1547 гг.) «стал подлинным центром притяжения всех культурных и художественных сил Франции». Благодаря этому обстоятельству двор приобрел «блестящий антураж, подчеркивающий исключительность и могущество королевской власти». Медиевисты заслугой Франциска I считают активное использование им культуры как опоры власти. В период правления Франциска I «прославление короля велось многочисленными поэтами и художниками...» [1, 427].

Образ идеального короля и его функций связан, очевидно, с позднотестарной традицией. Во-первых, «*король должен владеть искусством войны* (курсив мой. – Ф. Г.), охранять города, руководить и готовить план военных действий». Во-вторых – «он мудрый судья» [1, 438].

Аналогичные процессы имели место и на Кавказе. Защита населения от внешних угроз, организация походов (или набегов) с целью угона скота, захвата пленных для получения за них выкупа либо для продажи в качестве рабов – являлись основными функциями

ми и в то же время важной чертой образа жизни военной знати. У средневековых черкесов по меньшей мере «шесть месяцев в году рыцарское сословие во главе с князем или дворянином первой степени устраивало стан в лесу или в горах, совершая набеги». Как неоднократно отмечено в литературе, верховное военное руководство у западных адыгов осуществлял князь. В горских феодальных обществах формально все князья были равны. Но их общественный статус различался в зависимости от размеров имущества и степени личного авторитета, прежде всего и главным образом – как смелого и удачливого в военных акциях вождя. Причем захват добычи служил не столько для обогащения князей, сколько для роста их авторитета, содействуя «укреплению власти над народом». Таковой, в кратком изложении, «была модель идеального образа жизни мужчины-рыцаря» [4, 20].

В одном из прошений крестьян селений Коркак, Задан и Марага Кайтаго-Табасаранского округа говорится: «Раньше мы платили беку за его службу обществу, за управление (курсив мой. – Ф. Г.)» [5, 138].

Абхазо-адыгские этносоциальные организмы в античный и средневековый периоды существовали в условиях войн и набегов. В такой ситуации формирование властных структур определяли личные качества и авторитет военных лидеров, вождей, а имидж власти формировался за счет факторов, связанных с военными функциями. Тут не было мелочей. Поэтому к числу важных характеристик представителей новой власти относилось и такое, казалось бы, далекое от войны качество, как ораторское искусство [4, 15].

Утверждение новой власти сопровождалось становлением взаимоотношений

лидеров с реальной (официальной) властью, форм поддержания авторитета лидера, представлений об идеальной власти и ее атрибуты, степени религиозной приверженности лидера и т.д.

В различных обществах получил распространение образ физически совершенного лидера. Вспомним в этой связи поступок Хозроя, изуродовавшего внешний вид своего сына – Анасозада. Последний предпринял неудачную попытку «государственного переворота». Прокопий писал по этому поводу: «Отец изуродовал глаза своего сына; он не отнял у него зрения, но снизу и сверху ужасным образом вывернул ему веки. Закрыв глаза сыну и проведя по наружной стороне их раскаленной иглою, он таким образом изувечил всю красоту век. Хозрой сделал это единственно с той целью, чтобы у сына пропала всякая надежда на царскую власть: человеку, имеющему какое-либо уродство, закон персов не позволяет делаться царем» [6, 405].

Роль пиров. Торжественная совместная трапеза – пир – на протяжении едва ли не всей истории человечества была праздником со многими функциями. Под влиянием разных факторов совместное потребление пищи еще в древних обществах приобрело характер объединяющего акта: «совместное преломление хлеба насущного» воспринималось как «приобщение сотрапезников к некоему единому социуму, 'братству'» [7, 242]. В скандинавских сагах, наряду с разного рода событиями внутри родов и между ними, побоищами между господами, включая королевскую семью, походами викингов, «пиры занимают... одно из наиболее значительных мест. Не случайно скандинавы-язычники представляли себе загробный мир для доблестного воина как непрерывную череду битв и пиршеств» [7, 243].

В доклассовых обществах пиры сопровождались ритуалами, превращавшими застолье в торжественное, важное общественное мероприятие. Вспомним, например, ежегодные пиры во всех округах скифов, на которых, помимо прочего, награждали отличившихся в битвах воинов. И в более поздних обществах застолье венчало какое-либо успешно проведенное дело. Съезд князей как политический институт Древней Руси завершался, как правило, обильным пиршеством. Совместная трапеза сопровождалась взаимными подарками. Обычно дарили меха, драгоценные ткани, лошадей, дорогие воинские аксессуары, редкие предметы и т.д. [8, 276-277].

Значимость совместных трапезшла отражение в устной традиции горских народов, например, в эпосе осетин. Для виднейших нартов устраивать щедрые и обильные пирушки было делом чести. Как правило, такие застолья устраивали военные предводители Урызмаг, Сослан и Батрадз. Нарты и по прошествии нескольких лет благодарили Сослана за «большой пир». В голодный год Урызмаг с помощью запасов своей жены, Шатаны, пять дней угощал нартов [9, 171-173]. По одному из вариантов цикла, Урызмаг усомнился в целесообразности организации большого застолья для всех нартов. Чрезвычайно интересен ответ Шатаны: «С одной стороны хочет создать себе имя, а с другой – боится расходов; этого делать нельзя: должен или вертел сгореть, или шашлык» [10, 4].

В ответе Шатаны выражена социальная роль престижной экономики. Выбор лидера в ранних структурах типа общины зависел от личных качеств, компетенции, связанных с ними престижа и авторитета, размера подерживавшей его группы. Поэтому

вербовка многочисленных сторонников путем престижных раздач была одним из главных путей к лидерству [11, 68-69; 12, 398-399].

Интересно описание совместной трапезы при «дворе» великого хана монголов. «Ради важности» он держал «около себя охрану из двенадцати тысяч всадников; зовут этих всадников *quesitam*, что по-французски означает «всадник, верный государю». Всадники составляли четыре отряда по три тысячи воинов в каждом. В течение трех дней «каждые три тысячи всадников живут во дворце великого хана; там они едят и пьют; а через трое суток они уходят; приходят другие и сторожат три дня и три ночи; и так меняются... во весь год» [13, 392].

На пиру у великого хана решались различные вопросы: «тут и такие, у кого есть *владения, да хотят побольше*; приходят они в те дни, когда у великого хана *большой выход и пир* (курсив мой. – Ф. Г.)». Пышное застолье («большой пир») «хан задает в день своего рождения». По этому случаю «двенадцать тысяч князей и рыцарей» надевают драгоценные одежды – «одежду эту дарит им великий хан». Хан, в свою очередь, получал в этот день «великие дары», которые каждый приносил «что ему следует, по установленному». И здесь на пиру решались некоторые вопросы: «С большими приносами приходят сюда и те, кому желательно, чтобы великий хан дал им земли в управление. А великий хан выбрал двенадцать князей; они раздают земли по заслугам». Особая торжественная трапеза с многочисленными взаимными дарами проводилась на Новый год («год у них начинается в феврале») [13, 393-395].

Массовый праздник Алавердоба [14, 130], на который собирался народ едва ли не со всего Кавказа, отмечался

в Восточной Грузии. Ежегодно 14 сентября у стен Алавердинского храма в Кахетии собирались грузины, армяне, азербайджанцы, дагестанцы, чеченцы, осетины и др. «Здесь устраивали традиционные игры, джигитовку». Завершался праздник совместной трапезой. По описанию А. Зиссермана, «праздничная толпа..., пирующая под чистым сводом южного неба... Пьют, поют, пляшут, стреляют, потешаются разными фокусниками, борцами... и все это целые сутки без перерыва» [15, 23-24].

Роль бардов. Роль поэтов-певцов в средневековых обществах Северного Кавказа остается слабо изученной. Между тем она была довольно значимой. В утверждении престижа «управленцев» и поддержании авторитета власти роль бардов была заметной. Одним из самых действенных механизмов повышения авторитета военного лидерства, а в раннефеодальном обществе – подтверждением высокого социального статуса феодала, – «была деятельность дружинного певца». Это в полной мере относится и к социумам Северного Кавказа [4, 23]. Так, в социальной структуре Кабарды бытовал институт придворных бардов – джегуако. Строго говоря, термин *джегуако* обозначал разнообразные функции его носителя: от шута до поэта. Для нас важен портрет придворного барда; ему предшествовал «дружинный поэт». В позднепотестарный период он вместе с дружинниками сопровождал князя в походах, по сути, находился на его содержании. Своими произведениями барды прославляли деяния князей, удачливых воинов-всадников.

П.-С. Паллас в структуре кабардинских сословий обратил внимание на бардов, обозначенных местным термином «кикоакао» (*джегуако*), «которые в высоком уважении у всех партий, даже

у разбойников; инструмент, под звуки которого они поют свои песни, – гитара с двумя или тремя струнами; им стоит только показать ее, чтобы иметь беспрепятственный проход повсюду; песни без рифм, и обыкновенный предмет их – старинные сказания и исторические воспоминания» [16, 362-363].

«В прежние времена, – отмечал Хан-Гирей, – было в Черкесии особое словие, так называемые декоако (*джегуако*. – Ф. Г.), которые исключительно занимались стихотворством, воспевали кровавые события, народные и славные деяния отличившихся воинов, составляли жизнеописания знаменитых мужей... таким образом эти певцы подвиги предков передавали потомкам... Каждый князь, пользовавшийся уважением своих подвластных, имел при себе таких певцов, содержал их в довольстве и обогащал дарами» [17, 111; 18, 147-148].

По наблюдению Н.Ф. Дубровина, «черкес знал, что прославленный поэт-импровизатором он не умрет в потомстве, что слава его имени и дел переживет и самый гробовой гранит. Его гробница, говорит народная песня, разрушится, а песня до разрушения мира не исчезнет» [19, 18]. «В прежнее время у них (черкесов. – Ф. Г.) были поэты, *гекоко* (*джегуако*. – Ф. Г.) – слагатели народных песен». Они «были чтимы князьями и дворянством... ходили в бой впереди войск. Князья любили иметь при себе певцов и гордились ими» [20, 119-120].

По свидетельству очевидцев, присутствие какого-либо «барда во время битвы – лучшее побуждение для молодых людей показать свою храбрость». Это ценное свидетельство оставил Т. Лапинский, который «весною 1857 г.» лично видел, как во время боя некий «бард влез на дерево, откуда он далеко

раздающимся голосом воспевал храбрых и называл по имени боязливых». Последнее обстоятельство было очень важным: проявить трусость значило «погибнуть» в глазах своих земляков; «ни одна девушка не захочет быть его женой, ни один друг не подаст ему руки, он становится посмешищем в стране». Поэтому даже само присутствие поэта на поле битвы – «лучшее побуждение для молодых людей показать свою храбрость» [20, 121].

Джегуако, по словам Ш.-Б. Ногмова, сочинял «стихи или речи для воодушевления воинов перед сражением. Становясь перед войском, они пели или читали свои стихи, в которых упоминали о неустрашимости предков и приводили для примера их доблестные подвиги» [21, 84].

Насколько известно, рассматриваемой теме посвящена лишь одна специальная статья З.М. Налоева «О придворном джегуако» [20]. Поэтому кратко остановимся на ее узловых сюжетах.

«Придворному джегуако исторически предшествует дружинный». Возглавлявший дружину князь нуждался в таком джегуако, который бы являлся не столько скоморохом, развлекавшим гостей князя, сколько поэтом, вдохновлявшим воинов перед боем, а после боя – воспевавшим подвиги князя и дружины. В переходный период от т.н. «героической эпохи» к феодальной джегуако, возможно, сочетал в себе поэта и мага, способного разгадать сны и знамения, обеспечить победу в столкновениях с врагами. В этом смысле такой человек для князя значил больше, чем воин-дружинник.

Трансформацию дружинного джегуако в придворного З.М. Налоев связал «с наступлением феодальной раздробленности и обострением княжеских междоусобий...» Джегуако, про-

должает автор, не только сохранил свои функции предшествовавшего периода, но и увеличил их за счет расширения политической тематики его творчества. Кровопролитные войны между князьями, в которые были втянуты их союзники из горских народов, из Крыма, России и т.д., становятся содержанием его песен. В этой связи преобразуется их поэтика и жанровая система: «вместо эпической поэмы на первый план выходит разножанровая историко-героическая песня» [20, 124-125].

Формирование института «придворного джегуако» относится к периоду генезиса феодализма. Институт дружинного барда у адыгов сложился «значительно раньше. Назвать сколько-нибудь точную дату, – пишет З.М. Налоев, – здесь невозможно, но есть основание *предположить*, что это произошло не позднее IV в. н.э. (курсив мой. – Ф. Г.), к которому историки относят зарождение феодальных отношений на Северо-Западном Кавказе» [20, 123].

Мы уже имели возможность высказать свое мнение о времени становления раннефеодальных отношений у кабардинцев, западных адыгов и в целом у народов Северного Кавказа. Речь может идти о рубеже I-II тысячелетий, но никак не о IV в. [22, 110-153, 187-231]. Поэтому гипотеза З.М. Налоева о времени сложения института дружинного барда у кабардинцев нуждается в пересмотре. Вместе с тем отметим заслуживающий внимания анализ положения джегуако «в социальной системе феодализма» в Кабарде. Данный институт «играл важную роль в сфере идеологической жизни общества. Он оказывал громадное влияние на общественное мнение... его уважали и боялись вассалы и даже сами сеньоры» [20, 141].

По наблюдениям очевидцев, «как прежде, так и теперь» (во второй по-

ловине XIX в.), само появление на каком-либо празднике поэта-импровизатора «составляло истинное удовольствие народа» [19, 127].

Как уже было отмечено, слагаемые джегуако песни относились к разным жанрам. Одну из первых классификаций черкесских песен предложил Хан-Гирей. На первое место он ставил *жизнеописательные*. «В древние времена по смерти славного воина его наследники, родственники или друзья, желая увековечить память покойника, поручали певцам изложить деяния его в песне». Во вторую группу, согласно Хан-Гирею, входили песни, сложенные после «каждого знаменитого сражения». В них излагались «подвиги участвовавших в этом сражении воинов». Из других песен списка Хан-Гирея выделим «песни наезднические», вызывавшие у всадников «желание испытать опасности и прославиться. Они почти все также

жизнеописательные песнопения об отличившихся наездничествами воинах, но принято в обычае их петь преимущественно тогда, когда отправляются в наезды. Форма этих песен имеет некоторые особенности» [18, 148-150].

Более подробная классификация приведена Н. Ф. Дубровиным [19, 122-124, 127, 129-130].

Функции джегуако сопоставимы с функциями скандинавских скальдов, украинских кобзарей и др. Так, в средневековой Скандинавии на пирах важное место «отводилось поэтам – скальдам, которые подчас служили в дружинах королей. Нередко конунги сажали их за стол рядом с собой: ‘Поэзия – брага пира’ – считали тогда люди... В своих висах поэты славили королей, поминали усопших героев» [7, 246].

На примере джегуако видно, сколь важную роль играли барды в утверждении имиджа власти.

1. Эльфонд И. Я. Методы конструирования имиджа власти во Франции второй половины XVI в. // *Власть, общество, индивид в средневековой Европе*. М.: Наука, 2008. С. 423-449.
2. Какабадзе С. С. Хроника ксанских эриставов начала XV в. // *Письменные памятники Востока*. 1968. М., 1970. С. 103-126.
3. Памятник эриставов/Пер., исслед. и примеч. С. С. Какабадзе. Тбилиси: Мецниереба, 1979. – 54 с.
4. Панеш Э. Х. Традиции в политической культуре народов Северо-Западного Кавказа // *Этнические аспекты власти*. СПб.: Языковой спектр, 1995. С. 13-35.
5. Далгат Э. М. Социально-психологические аспекты антифеодальной борьбы в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1983. С. 135-147.
6. Прокопий из Кесарии. Война с готами/Пер. С. П. Кондратьева. Вступ. статья З. В. Удальцовой. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 515 с.
7. Сванидзе А. А. Королевский пир в средневековой Скандинавии. От саг до «Хроники Эрика» // *Власть, общество, индивид в средневековой Европе*. М.: Наука, 2008. С. 242-257.
8. Щавелев А. С. Съезд князей как политический институт // ДГВЕ. 2004 год. М.: Вост. лит. 2006. С. 268-278.
9. Шифнер А. Осетинские тексты. СПб., 1868. 104 с.
10. Памятники народного творчества осетин. Владикавказ, 1928. Вып. 3. 142 с.

11. *Васильев Л. С.* Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средневековье. М., 1982. С. 60-99.
12. История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986. 573 с.
13. Книга Марко Поло // История монгалов. М., 2005. С. 358-435.
14. *Гутнов Ф. Х.* Генеалогические предания осетин как исторический источник. Орджоникидзе: Ир, 1989. 177 с.
15. *Зиссерман А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе. СПб., 1879. Т. I. 424 с.
16. *Паллас П.-С.* Заметки о путешествии в южные наместничества Российского государства в 1793-1794 годах // Северный Кавказ в европейской литературе XIII-XVII веков. Нальчик: Эль-Фа, 2006. С. 315-365.
17. *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии/Вступ. статья В. К. Гарданова и Г. Х. Мамбетова. Нальчик, 1978.
18. *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии/Вступ. статья В. К. Гарданова и Г. Х. Мамбетова. Нальчик: Эль-Фа, 2008. 363 с.
19. *Дубровин Н. Ф.* Черкесы (Адыге) // Черкесы (Адыге). Нальчик, 1991. С. 7-248.
20. *Налоев З. М.* О придворном джегуако // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1980. С. 121-142.
21. *Ногмов Ш. Б.* История адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1982. 166 с.
22. *Гутнов Ф. Х.* Горский феодализм. Владикавказ: Ир, 2008. Ч. II. 287 с.